

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ БЕЗОПАСНОСТИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИИ

М.И. Грицко

Институт истории СО РАН

marieg@mail.ru

В статье обосновывается понимание проблемы лингвистической безопасности как лингвистического и социального процессов функционирования русского языка и языков народностей Российской Федерации в единой многонациональной России в эпоху активизации межнациональных конфликтов. Рассматриваются тенденции роста этнолингвистической напряженности в России и в странах постсоветского пространства, позитивные и негативные лингвистические процессы, двойственный принцип лингвистической безопасности в России.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, этнический сепаратизм, общегосударственный язык, языковая политика, этнолингвистические конфликты, лингвистический экстремизм.

Сохранение единства, государственного суверенитета, территориальной, политической, экономической, исторической независимости в эпоху глобализации и становления многополярности мира представляется жизнеопределяющим для любого государства. Более того, для многонациональной России, уже претерпевшей катастрофические преобразования, вопросы единства в будущем могут стать чертой, за которой прекратится само существование Федерации в приемлемом для России виде.

Глобализация как естественно-исторический процесс универсализации многообразных связей и отношений человечества в силу односторонности вектора геополитических интересов способствует

возникновению многочисленных рисков и угроз национальной безопасности, которые требуют немедленной выработки государством стратегии и осуществления политики реагирования и предотвращения раскола. Внешними угрозами национальной безопасности России являются международный терроризм, экономические и геополитические интересы других стран, военные конфликты. В основе внутренних угроз национальной безопасности – полиэтничное устройство Российской Федерации, при котором национальные конфликты, возникающие на почве различных культур, языков и религий, могут иметь сильнейшее влияние на политические, экономические и военные сценарии междуна-

родных и внутренних отношений. Историческая мощь глобализационных процессов выступает, по словам М. Уотерса, «как социальный процесс, в ходе которого стираются географические границы социальных и культурных систем»¹ и народы в ответ защищаются всплесками этнического сепаратизма, чтобы сохранить свою культурную, языковую и религиозную принадлежность, национальную и региональную идентичность. Язык в такой ситуации является мощным оружием сплочения национальной общности, оружием обороны и наступления одновременно.

Встречающиеся все чаще в зарубежной литературе такие производные концепты понятия «безопасность», как «парадигма безопасности» (*security paradigm*)², «культура безопасности» (*security culture*)³, «управление безопасностью» (*security governance*), «геобезопасность» (*geo-security*)⁴ и многие другие, свидетельствуют о всевозрастающем интересе к этой многоаспектной и актуальной проблематике, о необходимости выработки нового отношения, разработки новых методов анализа и прогнозирования внешних и внутренних рисков и угроз государственным и национальным интересам в условиях современной геополитической ситуации.

Подавляющее большинство исследователей выделяют «жесткую» (государствоподобную) и «мягкую» (в зависимости от различных сегментов общества) формы

безопасности. Еще в XX веке в период до и после холодной войны безопасность рассматривалась применительно к уровням социума (от муниципального до глобального). Проявлениями «жесткой безопасности» были процессы ядерного вооружения и разоружения, применение концепции «сдерживания» и блоковых противостояний, связанная с этим деятельность международных правовых организаций⁵.

Подобные действия «жесткой безопасности» в той или иной мере применяются и сегодня, и даже превентивно. Однако с начала XXI века в традиционном понимании безопасности появились новые аспекты, что привело к концепту «мягкой безопасности», функционирующей по схеме «человек–общество–государство». Большинство исследователей подчеркивают, что «главное отличие мягкой безопасности от жесткой состоит в том, что в центр внимания помещается человек со всеми его проблемами, безопасность же государства достигается опосредованно через безопасность отдельных граждан»⁶.

Во многих странах встает вопрос о самоидентификации личности и целых этносов, о месте национальных культур в многоаспектном процессе глобализации, а также о взаимодействии их с доминирующей западной массовой культурой, претендующей сегодня на охват и подчинение культуры всего мира.

⁵ Макарычев А.С. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на балтийский регион [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://megaregion.narod.ru/articles_text_2.htm

⁶ Фролов А.Н. Эффективность национальной безопасности на региональном уровне: критерии и механизмы политического обеспечения. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/181284.html>

¹ Цит. по: Иноземцев В. Расколотая цивилизация. – М.: Академия-Наука, 1999. – С. 590.

² Maria Stern. "Security Policy in Transition. Sweden after the Cold War". – *Padrigu Papers*, 1991. – P. 127–128.

³ Kari Laitinen. "Reflecting the Security Border in the Post-Cold War Context" // *International Journal of Peace Studies*. – Volume 6. – № 2, autumn – winter. – 2001. – P. 85.

⁴ Там же. С. 76.

На сегодняшний день уже существуют многочисленные примеры, когда на фоне исторического неравномерного развития недостаточные возможности наций обозначить свое место в транснациональном экономическом и политическом пространстве, глобальной культуре приводят к кризису самоидентичности, затруднению диалога культур, националистическим проявлениям и, как следствие, к религиозному и националистскому экстремизму. В таких условиях личность оказывается еще более ограниченной в возможностях самоидентификации и выбора даже собственной судьбы.

В связи с текущими геополитическими процессами происходит постепенное расширение видов безопасности: появились географическая, гендерная, экологическая, экономическая, общественная, культурная, психологическая, этническая, информационная и другие виды «мягкой безопасности», связанные с обеспечением условий комфортного существования человека и зависящие в основном от региональных особенностей и действий местных политических акторов.

Глобальные многообразные коммуникативные и культурные связи между народами, растущая тенденция к сохранению самобытности народов и стран, использование этих тенденций в геополитической борьбе приводит к появлению актуальной проблемы лингвистической безопасности личности и государства. В ее основе лежит обеспечение сохранения и развития суверенной жизнеспособности государственной, политической, экономической, социальной, этнической, культурно-исторической и других признаков системной общности страны.

В данной статье не рассматривается достаточно распространенный, но более узкий аспект понятия лингвистической безопасности как только редакционных действий в юриспруденции, электронном документообороте, стиле СМИ и устной речевой коммуникации, когда при помощи лингвистического анализа проводится специальная лингвистическая экспертиза с целью подтверждения или опровержения содержания в речи или в тексте определенного юридического смысла (например, негативных или порочащих сведений об определенном человеке, его деятельности, его личных деловых и моральных качествах)⁷. В противоположность узкому пониманию лингвистическая безопасность выводится здесь на более высокий и новый уровень, имеет более существенное значение в мировых процессах.

К числу основных объектов обеспечения лингвистической безопасности России в контексте мер по укреплению национальной безопасности относится единый государственный русский язык и языки других народов, населяющих Россию (напомним, что в Российской Федерации помимо русских, составляющих 79,8 % от всего населения, проживают свыше 180 других народов, которые говорят более чем на 100 языках и диалектах). Таким образом, в России лингвистическая безопасность имеет диалектическую, двойственную природу (сохранение и развитие общегосударственного русского и этнонациональных языков), и «главной проблемой лингвистической безопасности в России является обеспечение устойчивого развития общегосударствен-

⁷ Галяшина Е.И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusexpert.ru/magazine/034.htm>

ного языка во взаимодействии с другими языками»⁸.

В качестве одного из примеров может служить, например, Сибирский федеральный округ (население 20,06 млн человек, территория – 30 % территории России). В его составе двенадцать субъектов Федерации, среди них четыре кроме общегосударственного русского языка имеют национальную языковую идентификацию (в республике Алтай равноправными языками являются алтайский и русский; в республиках Бурятия, Хакасия и Тува языки бурятский, хакасский и тувинский имеют статус государственных языков наравне с общегосударственным русским языком). Всего свыше 110 национальностей населяют Сибирский регион (среди них около 70 тысяч человек восемнадцати национальных коренных малочисленных народов Севера и Сибири). Причем языки Сибири отличаются как генетическим, так и типологическим разнообразием и представляют восемь языковых семей⁹.

В настоящее время социолингвистические процессы, протекающие в регионах проживания этносов Сибири, анализируются недостаточно, что представляет угрозу лингвистической безопасности. Имеющиеся факты политической жизни уже сегодня указывают на ослабление традиционных укладов взаимодействия русского и этнонациональных языков, а для некоторых сибирских этносов правомерно говорить о наличии у этнических элит национально-сепаратистских тенденций. Эти слои стремятся расставлять свои лингвистические приоритеты в повседневном общении и

при обучении, создавая ситуацию латентного этапа конфликта. Недостаточность внимания со стороны государства к подобным фактам, замедленные реакции и отставание политической оценки или политических действий не только в Сибирском федеральном округе, но и в других субъектах Российской Федерации неизбежно приводят к конфликтным ситуациям, всплеску лингвистического этнического сепаратизма, угрозе лингвистической безопасности России¹⁰. Лингвистический фактор уже действует почти во всех этнополитических конфликтах, в том числе вооруженных. Он свойствен и историческим отношениям.

В социолингвистическом аспекте лингвистическая безопасность подразумевает «комплекс мер по осуществлению позитивных лингвистических процессов, нейтрализации угрожающих лингвистических процессов и переводу их в позитивные, а также предотвращение и гашение опасных лингвистических процессов»¹¹. Такие встречающиеся в лингвистической литературе понятия, как «языковое планирование», «языковые права человека», «языковая терпимость», «языковой ренессанс», «лингвокультурология», «лингвистический протекционизм», «социолингвистика», «языковая компетенция», «языковое разнообразие», «лингвистическая политика», «лингвистическое развитие», «лингвистическая са-

¹⁰ Грицко М.И. Проблемы функционирования русского языка в аспекте лингвистической безопасности в Сибири // Вестник Прикамского социального института. Научный журнал. Филология. – 2009. – № 4 (35). – С. 13–14.

¹¹ Грицко М.И. Факторы лингвистической безопасности личности и общества в эпоху усиления глобализационных процессов // Journal of International Scientific Publications: Language, Individual and Society, 2009. – Volume 3. – Part 2. – P. 263. ISSN: 1313-2547 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-journals.eu

⁸ Халеева И.И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской Академии Наук. – Том 76. – № 2. – 2006. – С. 105.

⁹ Официальный сайт Сибирского федерального округа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sibfo.ru>

моидентификация», «лингвистическая методология», «экология языка», «языковая иерархия» являются позитивными лингвистическими процессами, отражающими положительные тенденции в развитии и взаимодействии языков. Они способствуют интенсивной культурной и политической коммуникации между народами.

К примеру, в связи с появлением разнообразных факторов, негативно влияющих на развитие и функционирование языка, появились термины «экология языка» (лингвоэкология, эколлингвистика) и «лингвоэкологический мониторинг», позволяющий выявлять и анализировать нездоровые процессы в языке и речи. Особенно много подобных процессов имеет сегодня отношение к экологии русского языка: обеднение лексикона и фразеологических ресурсов, широкое неуместное использование мата и оборотов жаргонного характера, нарушающих стилистическую норму, ошибки в произношении и написании в языке СМИ, значительное сокращение русскоязычного информационного пространства в ближнем и дальнем зарубежье, немотивированная замена русских слов иноязычными заимствованиями (в основном английскими).

Язык каждого этноса имеет свое самобытное лицо, выражающее уникальность этого народа, является формой сохранения национальной культуры, поэтому «с разложения языка начинается и им сопровождается разложение культуры. Это – и символичное, и духовно опаснейшее повреждение»¹².

Язык очень живо реагирует на процессы, происходящие в обществе, отражая их.

¹² Солженицын А.И. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской академии наук // Независимая газета. – 1999. – 3 июня.

Взаимоотношения языка и общества развиваются по закону обратной связи: какое общество – таков язык, и наоборот. Заявления чиновников и некоторых лингвистов о том, что защита и чистота языка в руках самих говорящих на нем или что все само нормализуется с течением времени, вызывают мало оптимизма, поскольку основные «инновации» проникают в язык через молодое поколение людей малограмотных и зачастую бравирующих доступностью, бесконтрольностью современных технических возможностей, мало задумывающихся над тем, что и как они говорят¹³.

Существует немало примеров языковой политики, в основе которой лежит экология языка. Ярким примером является Ассоциация по защите французского языка во Франции, первоначальная задача которой – возрождение чистоты языка в соответствии с французскими языковыми традициями и культурой Франции. Французская франкофония стала не просто культурным, а скорее политическим процессом: начиная с XVII века Франция не просто упорно (и, что немаловажно – успешно) борется с иноязычными заимствованиями, но и регулирует свою языковую деятельность и сохранение культурного пространства на государственном уровне. Сегодня во Франции существуют структуры, которые вырабатывают и проводят в жизнь «лингвистическо-культурную» политику Франции на международной арене, определяют политику страны, связанную с Международной организацией франкофонии и с усилением роли французского языка в мире¹⁴.

¹³ Грицко М.И. 2007 – год русского языка // Наука в Сибири, № 30 (9 августа 2007 г.)

¹⁴ Языковая политика во Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Языковая политика во Франции](http://ru.wikipedia.org/wiki/Языковая_политика_во_Франции).

Еще более уникален пример экологии исландского языка. Еще в начале XVII в. исландским ученым Арнгримом Йоунссоном был впервые сформулирован и применен на практике пуристический языковый принцип – создавать новые слова на исландской основе взамен соответствующих иностранных слов, что со временем привело к тому, что современный исландский язык является одним из самых «чистых» и свободных от заимствований языков Европы¹⁵.

Говоря о китайском языке как о втором по распространенности языке в мире, вряд ли можно предположить угрозу его скорейшего исчезновения, однако уже сегодня китайское правительство уделяет особое внимание национальной языковой политике с целью сохранения экологии китайского языка и его дальнейшего развития, что в будущем может благотворно повлиять на укрепление внешнеполитического статуса страны. Языковая гармония китайского языка с его иероглифической системой сильно нарушается иноязычными (преимущественно английскими) заимствованиями в области технической терминологии, английскими аббревиатурами в языке прессы и «модными» английскими словами в молодежной среде, что приводит согласно статистике к ежегодному появлению более 1000 новых иностранных идиом в китайском языке¹⁶. В связи с этим правительство устанавливает новые правила, запрещающие

ведущим теле- и радиопрограмм использовать иностранные слова, а печатным изданиям внимательнее относиться к наличию пометок и пояснений к заимствованным словам. Рассматривается предложение о реформе языкового закона Китая о пресечении нестандартизированного использования иностранных слов в китайском языке.

Процессы, указывающие на угрожающую лингвистическую обстановку, способную привести к внутригосударственным осложнениям или напряжению отношений между разными государствами, характеризуются терминами «языковая глобализация», «языковая гомогенизация», «этноязыкоцентризм», «языковая однополярность», «лингвистический национализм», «лингвистический этношовинизм» (титульный и субъектный), «лингвистический сепаратизм», «языковая манипуляция», «желелингвистика».

Одним из угрожающих социолингвистических процессов является языковое манипулирование, когда язык выступает как инструмент воздействия на общество для достижения определенных политических целей. В современном мире языковое манипулирование (различные политические и социальные лозунги, провокационные рекламные слоганы, построенные на ярких метафоричных образах, проникновение огромного количества заимствований в язык СМИ и Интернета с целью навязывания западных культурных ценностей) приобрело массовый характер, поскольку это один из самых удобных и легких способов воздействия на мышление человека, ведь «язык является неперенным участником всех тех психических параметров, из которых складывается сознательное и даже бессознатель-

¹⁵ Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии. Язык. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/steblyn-kamenskij-kultura-islandii/yazyk.htm>.

¹⁶ Чистота языка – средство внешнеполитической борьбы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.study.ru/support/lib/note39.html>.

ное поведение человека»¹⁷. Повсеместно навязываются разнообразные курсы по «нейролингвистическому программированию» (Neuro-Linguistic Programming – NLP) – специально разработанному направлению в психоллингвистике, суть которого в овладении воздействием вербальной и невербальной коммуникации на человеческий мозг для обретения контроля над деятельностью людей.

Опасные социоллингвистические процессы могут нести угрозу национальному суверенитету государства, а также приводить к открытым внешним межнациональным политическим конфликтам. Крайние проявления опасных социоллингвистических процессов – это «лингвистический расизм», «лингвистический мятеж», «лингвистический терроризм», «лингвистическая агрессия», «языковая война», «лингвистический раскол». Как правило, такие действия поддерживаются или инспирируются третьими силами, преследующими собственные интересы под флагом глобализации, или другим благовидным предлогом.

На территории Азии примером лингвистического раскола государства являются события в Пакистане, когда в 1948 году в качестве единого государственного языка был выбран язык урду, на котором говорило всего 7 % многоязычного населения страны. Такие действия правительства вызвали массовые протесты бенгалоговорящих жителей Восточного Пакистана, которые привели к гражданской войне на лингвистической почве. Образованное в 1971 году самостоятельное государство Бангладеш вы-

брало бенгальский язык в качестве государственного¹⁸.

Проблема лингвистической безопасности России связана не только с самоидентификацией народов, населяющих ее территорию, но и с ближайшими соседями по бывшему советскому пространству, социокультурные связи со многими из которых по-прежнему очень сильны. На протяжении последних 20 лет в странах ближнего зарубежья России проводится активная и целенаправленная политика, направленная на сокращение использования русского языка в сферах государственной деятельности, экономики, науки, образования и культуры. Стремительное исчезновение русскоязычного информационного пространства в этих странах ведет к уничтожению многовековых языковых традиций и культуры общества. Не во всех государствах на постсоветском пространстве власти понимают, что национальные языки не готовы и еще долгое время не будут готовы полноценно заменить русский язык. В свою очередь, это приводит к возникновению угрожающих и опасных лингвистических процессов и отрицательно сказывается на государственном развитии и международном статусе этих стран.

В странах, возникших на постсоветском пространстве, накал противостояния русскому языку и наследию общей советской культуры различен. Это определяется как наличием природных богатств, экономического и национально-культурного потенциала, так и общественным состоянием национальных элит, ориентировкой руководства стран. В отличие от первых

¹⁷ Звездинцев В.А. Новые черты современного языкознания. Доклады IX Международного конгресса Лингвистов. Новое в лингвистике. Выпуск 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/151.new-in-linguistics-4/source/worddocuments/_15.htm.

¹⁸ Володарская Э.Ф. Модели языковой политики стран мира: сравнительно-типологический анализ // V Международная научная конференция «Язык, культура, общество». – Т. 2. Пленарные доклады. – М., 2009. – С. 64–65.

лет «суверенитета» бывших союзных республик, сегодняшний вектор эволюции указывает тенденцию на возвращение к русскому языку и влияние русской культуры.

Немаловажен и тот факт, что почти во всех сценариях мироустройства, прогнозируемых на ближайшие 10 лет, просматривается стремительный рост «азиатских гигантов», обгоняющих западную экономику, а также то, что азиатская культурная и религиозная идентичность становятся все более влиятельными в мире. Демографическая ситуация в России приведет к снижению численности населения на фоне стремительного роста населения окружающих ее стран исламского мира и будет компенсироваться только увеличением количества принимаемых мигрантов из стран Центральной Азии. Одним из следствий неустоявшейся иммиграционной политики будет «размывание» национальных идентичностей, возникновение внутренних и внешних этнолингвистических конфликтов¹⁹. Возрастают требования к научному обоснованию и разработке новой лингвистической политики, охране многонационального и многоязычного уклада, предотвращению национального и лингвистического экстремизма.

На постсоветском пространстве некоторые новые страны Центральной Азии могут оказаться в опасной близости от полного распада или даже распад будет осуществлен. В непосредственной близости от границ Российской Федерации весь цен-

тральноазиатский регион может стать пространством, раздираемым противоположными интересами новых стран, России, Китая, исламских стран Ближнего Востока. Возникает серьезнейшая альтернатива для стран на постсоветском пространстве: с кем двигаться по пути дальнейшего существования – с Россией или со странами Западного мира.

Исторические и современные интересы России в отношении с новыми странами на центральноазиатском постсоветском пространстве; со странами, выдвигающимися на передовые позиции в многополярной региональной глобализации; ее положение в послекризисном мироустройстве складываются и осуществляются через множество факторов, среди которых распространность и функционирование русского языка, лингвистическая безопасность занимают немаловажное место как факторы сплочения и индикаторы состояния общества.

Русский язык является единственным из ведущих мировых языков, который на протяжении последних 15 лет утрачивал свои позиции. В ближайшие 20 лет эта тенденция может сохраниться, если не будет уделено должное внимание языковой политике государства, направленной на укрепление позиций русского языка внутри страны и во всем мире. К 1990 г. количество владеющих русским языком в мире достигало до 350 млн человек. К 2005 г. оно сократилось до 278 млн человек. По степени распространности русский язык занимает четвертое место в мире. Более него распространены английский – 1,5 млрд человек, китайский – 1,35 млрд человек, испанский – 360 млн человек. По тем же прогнозам к 2015 г. количество знающих русский язык сократится до 212 млн, а к 2025 г. – до

¹⁹ Грицко М.И. Региональные и этнолингвистические ситуации в Центральной Азии и факторы лингвистической безопасности // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: Сборник научных статей. – Иркутск: Отгиск, 2010. – С. 150–158.

152 млн человек²⁰. По распространенности его опередают французский, хинди, арабский, португальский и бенгали. В настоящее время русский язык является родным для 163,8 млн человек в Российской Федерации, странах – бывших республиках СССР, Германии, США, Израиле; 114 млн человек владеют русским как вторым языком.

Из всех стран – бывших республик СССР – русский язык имеет статус государственного только в Белоруссии. Статус языка «официального общения» русский язык имеет в Киргизии и Казахстане. В других бывших республиках русский язык представлен либо в статусе языка «международного общения» (Молдова, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан), либо языка «национальных меньшинств» (Украина) или просто изучается как иностранный язык (Азербайджан, Армения, Грузия, Латвия, Литва, Эстония).

В изложенном аспекте современные социолингвистические и «чисто лингвистические» исследования заключают в себе для государства, его субъектов, народов и личности нечто большее, чем просто описание языковых ситуаций на различных территориях. По существу, лингвистическими методами исследуются животрепещущие государственные проблемы России, проблемы межнациональных отношений, мировые проблемы, проблемы глобализации и этничности, проблемы отношений между цивилизациями, «полярности» мира и др. За рубежом исследования лингвистической безопасности на основе изучения и оценки лингвистических процессов распространены и

составляют особую часть гуманитарной культуры. Применимость их к российским условиям возможна только в общенаучном плане, так как конкретные постановки задач определяются спецификой национального состава каждой страны, ее политико-национальным устройством, геополитическими установками и целями.

Многообразные, мультидисциплинарные и специфические лингвистические проблемы, интегрируемые здесь в проблему лингвистической безопасности многонациональной Федерации, могут и должны найти отражение в дисциплинах и курсах высших образовательных учреждений Российской Федерации.

Литература

Арефьев А.А. «Сколько людей говорят и будут говорить по-русски». <http://demoscope.ru/weekly/2006>.

Володарская Э.Ф. Модели языковой политики стран мира: сравнительно-типологический анализ // V Международная научная конференция «Язык, культура, общество». – Т. 2. Пленарные докл. – М., 2009. – С. 143.

Галышина Е.И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации. <http://www.rusexpert.ru/magazine/034.htm>

Грицко М.И. Проблемы функционирования русского языка в аспекте лингвистической безопасности в Сибири // Вестник Прикамского социального института. Научный журнал. Филология. – Пермь: ПСИ, 2009. – № 4 (35). – С. 105.

Грицко М.И. Факторы лингвистической безопасности личности и общества в эпоху усиления глобализационных процессов // Journal of International Scientific Publications: Language, Individual and Society, 2009. – Vol. 3. – Part 2. – P. 263. www.science-journals.eu

Грицко М.И. 2007 – год русского языка // Наука в Сибири, № 30 (9 августа 2007 г.)

²⁰ Арефьев А.А. «Сколько людей говорят и будут говорить по-русски». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006>.

Грицко М.И. Региональные и этнолингвистические ситуации в Центральной Азии и факторы лингвистической безопасности // Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: Сборник научных статей. – Иркутск: Отгиск, 2010. – С. 158.

Звегинцев В. А. Новые черты современного языкознания. Доклады IX Международного конгресса лингвистов. Новое в лингвистике. Выпуск 4. http://www.classes.ru/grammar/151.new-in-linguistics-4/source/worddocuments/_15.htm

Макарычев А.С. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на балтийский регион. http://megaregion.narod.ru/articles_text_2.htm

Официальный сайт Сибирского федерального округа. <http://www.sibfo.ru>

Солженицын А.И. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской академии наук // Независимая газета. – 1999. – 3 июня.

Стеблин-Камениский М.И. Культура Исландии. Язык. <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/steblyn-kamenskij-kultura-islandii/yazyk.htm>.

Фролов А.Н. Эффективность национальной безопасности на региональном уровне: критерии и механизмы политического обеспечения: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/181284.html>.

Халева И.И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской Академии Наук. Том 76. – № 2. – 2006. – С. 105.

Цит. по: Иноземцев В. Расколота цивилизация. – М.: Академия-Наука. – 1999. – С. 590.

Чистота языка – средство внешнеполитической борьбы. <http://www.study.ru/support/lib/note39.html>.

Языковая политика во Франции. http://ru.wikipedia.org/wiki/Языковая_политика_во_Франции.

Maria Stern. «Security Policy in Transition. Sweden after the Cold War». Padrigu Papers, 1991.– P. 143.

Kari Laitinen. «Reflecting the Security Border in the Post-Cold War Context»// International Journal of Peace Studies. – Vol. 6. – № 2, autumn – winter. – 2001. – P. 170.